

"НОРМАЛИЗАЦИЯ" ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОСЛЕ АВГУСТА 1968 ГОДА

Восстановление общественно-политической системы советского типа, которое принято называть "нормализацией", началось в Чехословакии с советской интервенции в августе 1968 г. Однако это не означает, что такое восстановление проводилось советским аппаратом власти. Задача была возложена на местные политические силы, хотя и при содействии СССР.

Главной целью военной интервенции СССР было добиться необратимой подчиненности Чехословакии советским великодержавным интересам. Дубчеховское руководство не проводило и даже не намеревалось проводить внешнюю политику, независимую по отношению к СССР и вне рамок Варшавского договора. Но необратимость подчиненности стран советского блока гегемонии СССР гарантируется прежде всего внутренней политической системой, и именно поэтому советское руководство считает "нормальной" лишь определенную внутривластную ситуацию, когда центр абсолютной власти (политбюро данной коммунистической партии) готов и способен защищать даже такие советские интересы, которые противоречат интересам и воле народа данной страны.

Попытка преобразовать общественно-политическую систему Чехословакии в 1968 г. подрывала этот принцип, и тем самым подвергала опасности и гегемонию СССР. Дубчеховское руководство КПЧ хотело и было в состоянии защищать интересы СССР, но при определенных условиях. Оно стремилось добиться влияния в стране, опираясь, прежде всего, на поддержку чехословацкого общества, а не Москвы и других стран советского блока. Более того, дубчеховское руководство отвергло принцип "коллективной дисциплины" компартий блока, отказавшись присутствовать на Варшавском совещании в июле 1968 г.; оно настаивало на двусторонних переговорах, в ходе которых

наряду с советской обсуждалась бы и чехословацкая интерпретация "интересов мирового социализма".

С советской точки зрения, нормализация положения в Чехословакии означала ликвидацию всего, что вело к реформам, и восстановление того, что способствует сохранению советской гегемонии, даже в области внутренней политики. В общем контексте (несмотря на совершенно различную природу конфликта) цель нормализации в Чехословакии была такой же, как цель нормализации в Венгрии в 1956 г., но отправные точки этого процесса отличались весьма существенно.

Военная оккупация Чехословакии не сопровождалась решительным и немедленным поражением тех политических сил, против которых, собственно говоря, и была направлена интервенция. *Вооруженного* сопротивления интервентам не было оказано, но они натолкнулись на всенародное *пассивное* сопротивление, в результате которого оказалось невозможным сразу же установить новое, просоветское руководство. Вместо военного подавления сопротивления населения и немедленного образования нового "рабоче-крестьянского" правительства советское руководство согласилось пусть и на временное, но все же возвращение к власти дубчеховской группы коммунистов-реформистов.

На первом этапе — с августа 1968 г. по апрель 1969 г. — политику нормализации проводила именно эта группа. В это время сторонники Дубчека пытались выполнять советские требования в отношении нормализации, продолжая при этом реформистский курс, так сказать, "без крайностей". Такая политика — "спасти что можно" или так называемая политика меньшего зла — имела целью сохранить поддержку народа и заручиться поддержкой Москвы, либо, на худой конец, избежать ее активной оппозиции.

Дубчеховская группа пыталась подражать политике кадаровского руководства в Венгрии, однако, это вряд ли было возможно осуществить, так как кадаровское руководство в первые годы (1956-1961 гг.) практически доказало свою готовность и способность охранять советские интересы, независимо от желаний венгерского народа: массовый террор, казнь Имре Надя и насильственная коллективизация сельского хозяйства. Дуб-

чек же и его группа не обладали ни желанием, ни способностью действовать подобным образом. Кадар на первом этапе нормализации в Венгрии олицетворял собой необратимость победы советских интервентов, а Дубчек, напротив, олицетворял способность оккупантов немедленно достичь своих целей. Даже после оккупации Дубчек ориентировался на одобрение большинства, сохранявшего верность платформе, которую советская интервенция намеревалась сокрушить. Советское руководство это прекрасно понимало и рассматривало возвращение Дубчека к власти как временный маневр, а не как истинную гарантию нормализации.

Сама идея продолжения реформ "без крайностей" порождала множество практически неразрешимых противоречий. Прежде всего, только Москва определяла, что является "крайностями". С советской точки зрения все, что делалось вне контроля центральной власти, было "крайностью" — но сама суть чехословацкой реформы заключалась в преодолении контроля центра над экономической, социальной и политической жизнью общества. С другой стороны, все, что возвращало политическую систему к ее состоянию до 1968 г., в глазах советского руководства было не "крайностью", а этапами нормализации.

Больше того, концепция "реформы без крайностей" после советской интервенции содержала в себе глубокие внутренние противоречия: она ориентировалась на так называемый "центристский" выход из положения, но само понятие центризма при этом было сужено до минимума. Центризм может быть успешным в качестве политического решения только в том случае, когда две противостоящие друг другу силы действуют одновременно, но ни одна из них не в состоянии добиться успеха: в таких обстоятельствах политический центризм становится инструментом достижения компромисса. Но такая ситуация существовала в Чехословакии скорее до советской интервенции, чем после нее.

После интервенции центризм сторонников Дубчека играл совершенно другую роль. Если эта группа хотела продемонстрировать желание защищать советские интересы, хотя и с некоторыми оговорками, она должна была присоединиться к политическим силам, ориентированным на сохранение системы со-

ветского типа. Более того, группа Дубчека до некоторой степени уже связала себя с этими силами, подписав так называемый московский протокол.

Политика "реформ без крайностей" должна была, с другой стороны, продемонстрировать решимость действовать против сторонников более радикальных изменений системы. В результате такая политика переставала быть инструментом компромисса и защищала антиреформистские силы, ограничивая и даже подавляя реформистские.

В контексте послеоккупационного развития событий в Чехословакии сейчас очевидно, что значение первого "дубчеховского" этапа нормализации было в подготовке почвы для успешной нормализации в соответствии с задачами советской интервенции. Политика дубчеховской группы после интервенции помогла убрать с политической сцены силы, которые были способны эффективно сопротивляться советским притязаниям. Эта политика изменила социально-психологическую атмосферу в стране: общенародное пассивное сопротивление советской интервенции сменилось общенародным оплакиванием разбитых надежд.

Всенародное сопротивление, которое не удалось сломить силой оружия, было подточено в течение нескольких месяцев под лозунгом "меньшего зла". Все эффективные формы давления общества на режим были нейтрализованы как "крайности" введением "временных чрезвычайных мер". Так было проведено восстановление цензуры; были запрещены некоторые организации и заключены "мирные" соглашения о самороспуске дру-гих; были проведены кадровые перемены в руководстве, отменено право на забастовку и т.д. Все эти перемены качественно изменили обстановку в Чехословакии.

Изменения социально-политической системы, достигнутые за восемь месяцев, предшествовавших советской интервенции, были результатом сотрудничества двух главных политических сил: тех, кто выступал за "реформы сверху", под контролем центральной власти, и тех, кто создавал "давление снизу", содержание и формы которого центральная власть могла контролировать лишь в определенных пределах. Уничтожение этого динамического единства в результате удаления с политической сцены сил "давления снизу" не создало, однако, более благо-

приятных условий для "реформ сверху"; напротив, это выбило из-под сторонников реформ стулья, на которых они сидели.

Авторитет Дубчека и его группы был настолько велик, что он пользовался поддержкой большинства даже тогда, когда вел лишь недавно пробудившуюся от политической летаргии нацию к капитуляции и новой стадии летаргии. Более того, Дубчек использовал свой авторитет, чтобы помешать народу продолжать сопротивление. "Реформы без крайностей", во имя которых он делал это, оказались фикцией.

Как только угроза сильного и организованного "давления снизу" была устранена, советское руководство перестало нуждаться в единственной политической группе, способной это давление сдерживать. Дубчек стал не нужен, и со временем был устранен. Это было сделано закулисным способом, обычным для советских руководителей, после заключения за закрытыми дверями сделок между различными кликами в партийном аппарате Праги, Братиславы и Москвы.

Но это еще не исчерпывает содержания первого этапа нормализации, связанного с именем Дубчека. Несколько факторов (главным образом, социально-психологического характера), сильно повлиявших на дальнейший процесс нормализации Чехословакии, зародились именно в этот период. Анализ этих факторов поможет ответить на вопрос, почему Чехословакия не стала второй Венгрией.

* * *

Вступление Густава Гусака на пост генерального секретаря КПЧ (в апреле 1969 г.) было началом второго этапа нормализации в Чехословакии. Дубчек и его группа в течение нескольких месяцев играли жалкую роль, обеспечивая фасад новому руководству, пока не были исключены из ЦК КПЧ в сентябре 1969 г. Гусаковское руководство вскоре продемонстрировало стремление и способность представлять советские интересы, не считаясь с желаниями чехословацкого общества: демонстрации в первую годовщину оккупации, проходившие 21 августа 1969 г., были разогнаны с помощью полиции и армии; не пожелавшие отказаться от поддержки реформ 1968 года и признать закон-

ность советской интервенции были устранены из общественной жизни; треть членов КПЧ исключили из партии; примерно четверть миллиона работников были уволены по политическим мотивам; органы рабочего самоуправления были распущены; в экономике и во всех секторах общественной жизни было восстановлено централизованное бюрократическое руководство; выступления с политической критикой влекли за собой аресты и заключение. В течение двух лет социально-политическая система советского типа была полностью восстановлена и продемонстрировала способность к самовоспроизводству: съезд КПЧ в 1971 г. прошел по советскому образцу, и во время выборов руководства кандидаты, поддержанные новым режимом, получили привычные 99,8% голосов.

Гусака, пожалуй, можно сравнить с Кадаром в 1956-1957 гг., по крайней мере, в двух отношениях: оба пользовались поддержкой Москвы и обоим презирал народ в их странах. Но Гусак не смог достичь положения, которого добился Кадар в последующие годы. Как это ни парадоксально, но в Чехословакии это положение уже было занято ... Дубчеком. Несмотря на все сказанное о политике Дубчека после советской оккупации, все-таки происходившее в стране после интервенции было лучше того, что ожидалось, а Гусак и его руководство создали ситуацию хуже той, на которую надеялся народ.

Даже пессимисты считали, что в результате интервенции будут восстановлены порядки времен Новотного. Но последние годы режима Новотного (1963-1967) были более либеральными, чем режим Гусака в 1969 г. Гусак подавил все элементы режима Новотного, которые привели к отставке последнего и к реформам 1968 г. В сознании людей Гусак, таким образом, остался беспрекословным исполнителем воли СССР вопреки воле его собственного народа. Кадар начал в Венгрии с того же, но у него был выход: роль правителя, который достигает определенных соглашений с оккупантами, оставаясь скрытым союзником побежденного народа. В Чехословакии эта роль была сыграна Дубчеком в первом акте драмы, и после его падения Гусак не перенял эту роль.

Нормализация в Венгрии прошла через короткий период массового террора и примерно пять лет жестокого подавления

всего, что привело к взрыву в 1956 г.; после этого начался непрерывный прагматический поиск компромисса. В Чехословакии, напротив, нормализация началась коротким периодом без успешного поиска компромисса, а затем режим занялся постоянным, систематическим подавлением всего, что задолго до 1968 г. подготавливало Пражскую весну. В этом специфическое отличие ситуации в Чехословакии после 1969 г. не только по сравнению с Венгрией, но и со всеми другими странами советского блока.

Нормализация в Чехословакии создала странные и деформированные взаимоотношения между прагматическим и фундаменталистским направлениями в политике. Прагматической обычно называется концепция столкновения и взаимодействия различных социальных интересов; фундаменталистская концепция политики — это достижение целей, определяемых идеологией или этикой. Прагматическое направление может оперировать полным набором методов достижения политических целей — от свойственных плюралистической демократии до манипулирования в "макиавеллиевском" стиле. Диапазон возможностей фундаменталистского направления определяется иной шкалой: от радикальной преданности идее (или фанатизма) до полного отстранения от политики (обычно оправдываемого тем, что "политика — грязное дело").

1968 г. в Чехословакии был плодом относительного единства и сотрудничества этих двух направлений. С возрастанием угрозы "процессу возрождения" увеличивалась роль фундаменталистского направления — оно породило всенародное пассивное сопротивление советской интервенции. Но оставались еще какие-то возможности и для прагматического направления. Фiasco же дубчеховской политики нормализации резко уменьшило число сторонников прагматического направления, а фундаменталистское направление стало терять интерес к политике вообще.

На втором этапе лидеры политики нормализации (гусаковское руководство) избрали иное направление, во многих отношениях противоположное интересам общества. Их поведение определялось сведением политики до техники управления (элемент прагматического направления) при одновременном декла-

рировании преданности целям Москвы (сталинский тип идеологического фундаментализма). Вот почему, несмотря на долгие годы нормализации, в Чехословакии невозможно было добиться сотрудничества между режимом и покоренным обществом.

Нормализация как определенная социально-политическая атмосфера не одинакова в Чехословакии и в Венгрии. Резкий контраст между официальным политическим курсом и политической позицией общества характерен для всех стран с системой советского типа, как, впрочем, и для тоталитарных и авторитарных систем вообще. Такие системы порождают шизофреническое раздвоение как в коллективном сознании нации, так и в сознании индивидуумов. В некоторых случаях этот контраст можно смягчить, например, признав несовпадение интересов в различных сферах общества (прагматическое направление) или признав определенные цели нации (фундаменталистское направление). В Чехословакии, однако, нормализация породила ситуацию, при которой шизофрению в социальном сознании смягчить нечем.

Признание де-факто разнообразия интересов (как это было, к примеру, при Гереке в Польше) в Чехословакии вызывает в воображении 60-е годы и в особенности 1968 г. Фундаментализм националистического типа (развивавшийся в русской части СССР, в Румынии и в других странах) тоже не пригоден для нормализации в Чехословакии: он обязательно окажется направленным против гегемонии СССР и будет слишком прозападным и демократическим (особенно в Чехии). Правда, в Словакии фундаментализм националистического типа сыграл определенную роль в процессе нормализации, поскольку здесь он был связан с реформой государственного устройства Чехословакии, преобразованной в федеративное государство, что дало словакам некоторое национальное удовлетворение.

Скрытый под поверхностью конфликт и полнейшее отсутствие сотрудничества между режимом и обществом весьма типичны для социально-психологического климата нормализации в Чехословакии. Не будучи в состоянии разрешить этот конфликт, гусаковское руководство систематически прибегает к его маскировке, даже не пытаясь добиться поддержки населения и удовлетворяясь формальными ритуалами выражения одо-

бления и пассивной лояльностью граждан. Состояние шизофрении как в индивидуальном, так и в коллективном сознании сохраняется, а режим лишь принимает меры, чтобы оно не проявилось открыто.

Признание такого положения нормальным стало критерием, по которому общество, организации и отдельные граждане разделились на две категории: с положительным и с отрицательным политическим статусом. Широкая кампания по отречению от заявлений, сделанных в 1968 г., в особенности от осуждения советской интервенции, весьма типична в этом отношении. Все составные части официальной политической структуры, партийные и государственные учреждения, профсоюзные и молодежные организации и все остальные, включая, скажем, ассоциацию садоводов, и каждый индивид, занимающий какую-то руководящую должность, даже в неполитической сфере, должны были пройти через эту процедуру. Тем, кто отрекся от своих мнений и от подписей под различными декларациями, был предоставлен положительный политический статус, невзирая на степень активности в 1968 г. Но те, кто не пожелал отречься, получили отрицательный статус. Таким образом, в ранг основной добродетели "нормализованного" гражданина была возведена способность отказаться от чувства собственного достоинства.

Такого рода процедура была производной от фундаменталистского направления, но от людей при этом ожидалось поведение, основанное на прагматизме (в "макиавеллиевском" смысле): например, отец семейства отрекается от своего осуждения советской агрессии в 1968 г., чтобы предоставить своим детям возможность учиться. Таким путем режим не только обезценивал в глазах покоренного населения собственную политику, базирующуюся на концепциях фундаментализма и прагматизма, но и сводил на нет и без того минимальные шансы на сотрудничество и возможности обратной связи между режимом и обществом, поскольку навязывал вымученный ритуал искусственной поддержки. В этом смысле процесс нормализации в Чехословакии диаметрально противоположен венгерскому.

В отличие от Венгрии политика нормализации в Чехословакии оказалась безуспешной не только в объединении общества, но и в выдвижении на руководящие посты квалифицированных лю-

дей. Она объединила лишь тех представителей прагматического направления, для которых вся политика сводится к технике управления. При отборе на руководящие посты обязательно, чтобы кандидат, в случае необходимости, был готов отказаться от собственного достоинства. Такая готовность, как правило, не сочетается с высокой квалификацией даже в далеких от политики областях деятельности.

С точки зрения социально-психологического климата, нормализация в Чехословакии создала положение, более сходное с существовавшим в Польше со второй половины 70-х годов, чем с существующим в Венгрии. Однако многие другие признаки, характерные для польской ситуации, в Чехословакии отсутствуют (низкий уровень обеспечения материальных потребностей основных групп населения, возможность открытой критики существующих противоречий, существование полуоппозиционных и оппозиционных ассоциаций и т.д.). Что же касается социального разделения по той причине, что какая-то часть граждан и определенные социальные группы считают нежелательным и даже невозможным для себя сотрудничество с официальной социально-политической структурой из-за постоянного конфликта между этой структурой и обществом, — этот процесс является общим для нормализованной Чехословакии и для герцогской Польши.

Таким образом, в результате политики нормализации в Чехословакии установилась социально-психологическая атмосфера постоянно скрываемого напряжения, снятие которого не предвидится в обозримом будущем, так как ни политическая элита, ни общество, которым она управляет, не видят реальных политических методов, которыми можно было бы разрешить этот скрываемый конфликт без фундаментальных перемен в социально-политической системе. Это отличает атмосферу "нормализации" от последних лет режима Новотного, так как тогда происходили изменения, хоть и медленные, и ни политическая элита, ни общество не чувствовали бессилия и бесперспективности.

* * *

Основой нормализации в Чехословакии являются экономические и социальные процессы, аналогичные тем, которые в ка-

кой-то степени стабилизировали социально-политическую систему советского блока в послесталинский период, в особенности с середины 60-х годов и вплоть до настоящего времени. Это своеобразная комбинация потребительской концепции индустриального общества с политическим и полицейским контролем всех аспектов социальной жизни.

Надо признать, что степень удовлетворения каждодневных личных интересов и потребностей, особенно материальных, среднего гражданина в странах советского блока расширилась по сравнению с 50-ми годами. Правда, экономика по-прежнему находится под централизованным бюрократическим контролем, поэтому политические решения центральной власти проводятся в жизнь без учета интересов потребителя и население все еще вынуждено преодолевать недостатки снабжения. Тем не менее во всех странах советского блока люди обладают сейчас большими возможностями удовлетворить свои потребности, пусть не всегда и не все, и имея претензии к качеству товаров и услуг.

Определенные черты, характеризующие так называемое общество потребления, в странах советского блока стали проявляться примерно на 15-20 лет позже, чем на Западе. Стали формироваться характерные для общества потребления материальные запросы: возросло значение таких потребительских товаров как одежда, стиральные машины, радиоприемники и телевизоры, вплоть до автомобилей, современных квартир, загородных дач, а также стремление к туризму, включая поездки за границу. Так же, как в свое время на Западе, эта потребительская тенденция способствовала усилению конформистской позиции населения по отношению к социальной системе.

В этот период режимы советского типа отказались от прежних сталинистских методов правления, прежде всего в области политического террора: массовый полицейский террор, массовые осуждения (миллионов в СССР, десятков тысяч в меньших странах) на долгие сроки заключения и даже на смерть были заменены политическим и полицейским контролем с иными формами репрессий и дискриминации. Дискриминация в трудоустройстве стала основной формой репрессий по отношению к оппозиционным группам, более жесткие репрессии стали при-

меняться лишь против тех, кто не готов к политической лояльности в обмен на "пристойную жизнь" и кто не подчинился давлению менее жестких форм дискриминации.

Стабилизация режима проявилась и в канонизации официальной идеологии: так называемый марксизм-ленинизм, низведенный еще во времена Сталина к набору догм, интерпретировать и дополнять который могли только представители центральной политической власти, в конце концов превратился в набор окаменелых ритуальных лозунгов и проповедей. От граждан, и даже от партийных, требуют не веры в идеологические постулаты, а лишь почтения к ним: достаточно воздерживаться от публичной критики догм и вести себя в соответствии с идеологическими нормами, так же, как водитель должен соблюдать правила движения и подчиняться дорожным знакам. От тех, кто эти условия выполняет, режим не требует иных доказательств верности идеологии.

Канонизация или ритуализация официальной идеологии имеет двойственное политическое значение. С одной стороны, режим согласен ограничиться лимитированием поведения людей, но не их мыслей; это в какой-то степени расширило границы для размышлений и ценностных суждений, которые не соответствуют официальной идеологии и тем не менее не влекут немедленного наказания.

С другой стороны, марксизм-ленинизм приобрел все признаки консервативного, реакционного идеологического стереотипа: исчезла возможность официального (или полуофициального) формирования идеологической альтернативы или альтернативной политической концепции, какой была реформистская коммунистическая идеология 1956-1968 гг. Официальная идеология, назвавшая себя идеологией "реального социализма", провозгласила "реальное наличие" критерием собственной непогрешимости; политическая практика не сравнивается более с теоретическими идеологическими постулатами (даже принадлежащими "классикам марксизма"), и невозможно открытое предложение о ее изменении, основанное на несоответствии практики гипотезам. В прошлом именно эта возможность была фундаментом коммунистического ревизионизма и реформизма внутри коммунистических партий, обладающих монополярной властью в системах советского типа.

Относительная стабильность этих партий и официальных политических структур в целом была достигнута после 1968 г. путем систематического удаления всех критически настроенных и потенциально оппозиционных сил из всех официальных институтов (при помощи повторяющихся чисток различного масштаба). Однако официальные политические структуры лишь кажутся более стабильными, потому что они не отражают социальный антагонизм за их пределами; платой за эту стабильность стало необычайное снижение их способности адекватно реагировать на этот антагонизм в нужный момент.

Эти тенденции стали свойственны всем странам советского блока в последнее двадцатилетие. Их экономический и социально-политический эффект различается по странам. Важных изменений в фундаментальной структуре экономики, социальных и политических отношений не было; экономическая и социально-политическая система советского типа повсюду оставалась стабильной, но решающим фактором этой стабильности стал экономически обусловленный конформизм потребительски настроенного общества; при этом политический и полицейский террор необходим, но лишь как дополнительный фактор стабилизации. Чистки официальных политических структур (главным образом коммунистических партий) способствовали созданию такой общей ситуации, при которой давление в пользу изменения методов руководства и отношений внутри системы неизбежно будет значить больше, чем в 1956-1968 гг.

Относительная стабилизация систем советского типа была достигнута к концу 70-х годов, но именно в это время стали заметны новые трудности — главным образом замедление экономического роста. Возник застой и стали появляться признаки кризиса (по причинам, не всегда связанным с системой). Жизненный уровень широких слоев населения либо перестал повышаться, либо даже понизился. В Польше в 1980 г. произошел полный крах системы — она утратила способность защитить основные механизмы стабилизации, достаточно эффективно действовавшие в 70-х годах. Признаки такой же ситуации появляются в Румынии. Но самое важное, что эти механизмы все менее эффективны и в СССР. Однако в Венгрии и в ГДР политическое положение остается сравнительно стабильным (в ГДР

за счет так называемых "германо-германских" отношений, особенно в области экономики).

В Чехословакии в настоящее время нет сильной оппозиции существующей системе; тем не менее кризис политики нормализации становится все более очевидным: даже в официальных речах примерно с 1978 г. проскальзывают признания, что экономические факторы нормализации перестали быть эффективными.

* * *

Использование всех основных факторов стабилизации 70-х годов в исключительно одностороннем порядке стало характерным признаком политики Гусака с момента его прихода к руководству: он всегда преследовал в основном сиюминутные политические выгоды, а не далеко идущие экономические, социальные и политические цели. Для этого есть объективные (исторические) и субъективные (персональные) причины. В историческом смысле, основной фактор этой стабилизации — политическое использование потребительских настроений широких слоев населения — не является чем-то новым в политике нормализации. То же относится и к переходу от массового политического террора сталинского типа к методам политического и полицейского контроля с выборочными репрессиями. Оба эти фактора действовали в Чехословакии и в последние несколько лет режима Новотного (1963-1967 гг.) и практически использовались так же, как в кадаровской Венгрии: с одной стороны, при попытках проведения экономической реформы (в направлении принятия во внимание рыночных механизмов, обеспечения большей независимости предприятий, смягчения государственного контроля в сельском хозяйстве и т.д.), с другой стороны, с наступлением либеральных времен особые уступки делались интеллигенции.

Но так как этой, в общем, кадаровской политике в Чехословакии не предшествовали события, пережитые Венгрией в 1956 г., а также по другим причинам, которые выходят за рамки данной работы, эта политика неизбежно вела к взрыву 1968 года и, как следствие этого, к советской интервенции и давлению ради "нормализации". Руководство Гусака и москов-

ское Политбюро были в панике, поскольку даже умеренно реформистская интерпретация этих стабилизирующих факторов таила в себе опасность провала целей советской оккупации. Короткий период дубчековской политики нормализации — "реформ без крайностей" — только усилил эти страхи. Вот почему нормализация в Чехословакии, опираясь на те же стабилизирующие факторы, что и в Венгрии, преследует совершенно иные цели: в обоих случаях факторы стабилизации — это выполнение требований Москвы и подавление активного сопротивления общества. Но в Чехословакии сторонники стабилизации отказываются внедрять кадаровские реформы в политике и в экономике.

Нормализация в экономике началась в конце 60-х годов, в период экономического подъема, когда была возможность воспользоваться значительными резервами, созданными капиталовложениями прежних лет и благодаря предшествовавшим экономическим реформам; в то время поступала также экономическая помощь от СССР, включая займы в долларах. Таким образом, была возможность удовлетворить потребительские запросы населения, по крайней мере в течение короткого промежутка времени, не испытывая нужды в значительном увеличении эффективности экономики. Напротив, нормализация выразилась в том, что структурные изменения национальной экономики были отложены на неопределенное время, что угрожало углублением кризиса. Однако, благодаря нормализации, жизненный уровень, хоть и на короткий промежуток времени, но повысился. В то же время эти кратковременные меры замедлили осуществление проектов, требующих значительных капиталовложений.

Таким образом, в экономическом отношении целью политики нормализации было главным образом получение преимуществ от распределения национального продукта, обеспечивавшего пассивную лояльность населения. Режим использовал привилегии и политически мотивированную дискриминацию в экономической области гораздо откровенней, чем это делалось в других странах советского блока. В отличие от Венгрии, поощрение потребительских тенденций ни в малейшей степени не со-

проводилось расширением возможностей предпринимательской (частной или коллективной) инициативы или усилением роли рыночных отношений в производстве и планировании; не привело это и к введению принципа вознаграждения в соответствии с работой или экономической эффективностью, к расстановке кадров (в производственной и непроизводственной сферах) в соответствии с их способностями и квалификацией. Вместо этого механизмы централизованного бюрократического планирования и руководства экономикой, модифицированные до 1968 г., были восстановлены по классическому советскому образцу.

Экономическая политика Кадара использовала рост потребительских настроений для повышения эффективности национальной экономики (вплоть до структурных изменений) и для незаметного расширения свободы в экономической области; политика Гусака, напротив, сосредоточена, главным образом, на обеспечении пассивной лояльности населения по отношению к режиму. В Венгрии отношения между режимом и обществом постепенно приобретали черты определенного общественного договора (население демонстрировало согласие на некоторое сотрудничество с режимом ради обеспечения частных интересов). В Чехословакии эти отношения формировались как часть торгового договора: социальные группы и индивиды продали "партии и правительству" свою независимость в обмен на терпимый жизненный уровень. Этот акт купли-продажи основан не на развитии сотрудничества, а на необходимости для продавца мириться с поведением покупателя до тех пор, пока тот в состоянии платить.

Этот экономически предопределенный конформизм по отношению к системе породил гораздо более глубокие формы общественной коррупции в Чехословакии, чем в других странах советского блока (за исключением, может быть, Польши конца 70-х годов). Коррупция пронизала не только сферы потребления и снабжения, но и все сферы производственной деятельности, общественных услуг (здравоохранение, образование), государственного управления, включая полицейский аппарат, общественную и политическую жизнь в целом.

За десятилетие нормализации коррупция сильно разрослась

и гораздо глубже, чем в предшествовавшее десятилетие, проникла в систему: ныне большинство экономических и политических механизмов практически не в состоянии функционировать без коррупции. Коррупция проявляется как в легальных, так и в нелегальных формах. Основная открытая форма коррупции — предпочтение политически благонадежным: постоянное повышение зарплат членам и пособникам правительственной элиты, предпочтительное обеспечение предметами роскоши, кругленькие суммы в качестве премий или наград за "идейную верность" (согласно официальной терминологии), выплачиваемые разным категориям руководящих работников — журналистам, деятелям искусства и т.д. Существует множество более скрытых форм коррупции и нет необходимости перечислять их — они имеются во всех социальных системах с той лишь разницей, что их размеры и роль в нормализованной Чехословакии гораздо больше.

Отказ в легализации частного предпринимательства был ослаблен скрытыми формами коррупции. Так называемая вторая экономика (неофициальный рынок товаров и рабочей силы) в процессе нормализации необычайно расширилась и, согласно приблизительным данным, около 40% экономически активного населения получают здесь дополнительный доход, в то время как еще 30% тратят здесь часть своего официального дохода. Эта система частного предпринимательства искажена полуполюгальностью. Сюда входит труд, оплачиваемый по шкале, которая определяется спросом и предложением (главным образом, услуги, ручной труд, строительные работы и т.д.), товарообмен по непропорционально высоким ценам, типичный для черного рынка во всех странах с централизованно управляемой экономикой, и, наконец, взяточничество и хищения (материалов, инструментов и другой "социалистической собственности"). Власти делают вид, что они постоянно борются с коррупцией и "второй экономикой", но на самом деле они абсолютно бессильны положить конец этим явлениям: без них невозможно само существование правительственной элиты и, кроме того, это полезный клапан для некоторого снижения общественной напряженности.

Экономическая политика режима нормализации, поощряю-

щая социальную коррупцию в обмен на пассивность населения, оказалась в ею же расставленной ловушке: коррупция превзошла пределы начального периода, приняла новые формы и стала влиять на общественные отношения иначе, чем предполагалось. Одно из последствий этого процесса в сегодняшней Чехословакии — продолжающееся обострение и без того острых противоречий, все углубляющееся, беспрецедентное в истории страны разделение общественных и частных интересов во всех областях жизни. Эти факторы, наряду с факторами социально-психологического характера, порожденными нормализацией и проявляющимися в общенародном раздражении, не только определяют атмосферу, но и все сильнее влияют на экономику.

С конца 70-х годов чехословацкая экономика от года к году все менее способна платить цену, первоначально предложенную населению за пассивную политическую лояльность: приостановился рост уровня жизни, и те, кто не имеет преимущественного политического статуса, кто не в состоянии компенсировать скрытую инфляцию доходами от "второй экономики", кто не берет взяток, чувствуют, что их жизненный уровень снижается. Пока нет организованных демонстраций или крупных волнений, но неудовлетворенность первоначальным "договором" растет.

Естественно, экономический кризис не является следствием исключительно политики нормализации. Кроме унаследованных причин, которые были очевидны до 1968 г. (и не ликвидированы в процессе нормализации), существует множество конкретных причин, не являющихся непосредственным порождением системы: мировой энергетический кризис; экономические трудности западных стран; кризис в СССР; структура чехословацкой экономики (нормализация не породила ее, а лишь унаследовала). Есть и положительный аспект политики нормализации: незначительная задолженность Чехословакии Западу, в отличие от Венгрии, долги которой в пересчете на душу населения больше, чем задолженность Польши.

Независимо от доли вины политики нормализации за кризисное состояние чехословацкой экономики, очевидно, что громадное большинство населения возлагает ответственность за этот кризис полностью на эту политику, и вряд ли какая-либо соци-

альная группа захочет сотрудничать с режимом нормализации во время кризиса.

Стихийная реакция большей части общества на растущий кризис сегодня, как и в обозримом будущем, проявляется в заботе о максимальном удовлетворении частных материальных интересов и в пренебрежении его социальными последствиями. В Чехословакии широко распространена поговорка "Кто не ворует, обворовывает свою семью" (под объектом кражи подразумевается, разумеется, "социалистическая собственность"). Поскольку для преодоления экономического кризиса необходимо, по крайней мере, минимальное сотрудничество между обществом и режимом и готовность согласовывать личные интересы с возможностями общества, подобная психология перестает быть поводом для шуток и становится серьезным экономическим и политическим фактором. Сделка, заключенная между режимом и обществом, к выгоде режима, поворачивается обратной стороной: продавец настаивает на получении оговоренной платы и вовсе не интересуется причинами, по которым покупатель оказывается не в состоянии ее уплатить. Режим, полагающийся на такого рода отношения с подчиненным ему обществом, находится в ситуации банкротства, которому кредиторы угрожают ликвидацией: его единственной надеждой становится полицейская охрана.

Более чем сомнительно, что в таких обстоятельствах политика нормализации в Чехословакии сможет предотвратить открытый и бурный конфликт между властью и обществом лишь незначительными мерами по улучшению экономики; даже если Гусак и его политбюро решатся на это, они не смогут скопировать, скажем, венгерскую экономическую практику, так как отсутствует необходимый для этого социальный и экономический климат, на создание которого в Венгрии понадобилось более двадцати лет, при целом комплексе благоприятных условий, которые отсутствуют в нынешней Чехословакии.

* * *

Политика нормализации в Чехословакии была весьма односторонней и в политической сфере — она копировала процесс стабилизации советской системы в конце 60-х годов. Удаление

носителей оппозиционных идей из партии и из официальной политической структуры лишило эти структуры способности к выработке альтернативных концепций.

С советской точки зрения, реформистское движение в Чехословакии в 1968 г. было порождением "ревизионизма и правого оппортунизма" в руководстве КПЧ. Было бы невозможно достигнуть главных целей советской оккупации без твердых гарантий, что внутри КПЧ ничего подобного никогда не повторится. Но таких гарантий простая замена лидеров КПЧ не давала: "ревизионистские и правооппортунистские силы" имелись на всех уровнях партии и официальной политической структуры. Они укрепляли свои позиции с 1956 г., так как с ними не боролись открыто даже во времена Новотного.

В Чехословакии был непригоден выход из положения, использованный в Венгрии, где коммунистическая партия фактически распалась в 1956 г., и нормализация началась с организации новой партии. В Чехословакии, напротив, советская интервенция совершенно очевидно была направлена против КПЧ и проводимой ею политики реформ; только руководители КПЧ были арестованы советскими оккупационными властями. Их возвращение к власти было одним из основных требований всенародного движения сопротивления оккупации. Даже после оккупации и краткого "дубчековского" периода нормализации КПЧ не распалась: из полутора миллионов членов партии лишь около 100 тыс. оставили ее.

Гусаковское руководство, чтобы выполнить советское требование и сохранить свои позиции в КПЧ, должно было прибегнуть к массовой чистке партии — к средству, применяемому обычно в компартиях при изменении политической линии. Эта чистка стала главной причиной, по которой нормализация в Чехословакии не могла превратиться в "кадаризацию".

Распад старой партии и создание новой позволили Кадару и его группе избавиться не только от радикального ревизионистского направления, не желающего и не способного поддержать его концепцию нормализации, но и от значительной части сталинских кадров, которые могли добиваться нормализации в соответствии с их концепцией. Хотя некоторые сталинисты остались в руководстве (например, Ревай), партия в целом была откры-

та для новых сил, склоняющихся к политике компромисса. С годами партия стала инструментом центристской, прагматической политики, так как большинство приверженцев полярных решений — сталинисты и радикальные противники советской системы — в большинстве оказались вне партии. Этот процесс ни в коей мере не был прямолинейным, но довольно успешно рекомендовал себя в качестве основного направления, в то время как чистка КПЧ в 1970 г. сделала этот процесс в Чехословакии принципиально невозможным на долгие годы.

Во время "дубчеховского" периода нормализации ее радикальные противники были удалены с наиболее важных постов в КПЧ. После этого прежде считавшиеся умеренными реформисты и центристы и, конечно, сам Дубчек и сторонники его концепции нормализации путем "реформ без крайностей" стали рассматриваться как наиболее опасные "ревизионисты и правые оппортунисты". Поскольку чистка была орудием всех склоняющихся к реформам сил, "чистильщиками" стали те, кто противился любым реформам задолго до 1968 г. Логика такого развития порождала опасность даже для Гусака и большинства членов его руководства; это было не в интересах Москвы, и там решили провести нормализацию руками Гусака и его группы.

В ходе чистки был найден весьма прагматичный выход из положения. Взгляды и действия членов партии до советской интервенции не рассматривались как единственный критерий для оставления в партии. Подлежащие чистке должны были задним числом признать советскую интервенцию положительным фактом, "самокритично" отказаться от своих прежних взглядов и политических выступлений, осудить их и продемонстрировать готовность и способность помогать гусаковской нормализации. Не готовые беспрекословно выполнить эти условия исключались из КПЧ; в некоторых случаях исключались и согласные пройти через это, но нежелательные для новых людей в руководстве.

В результате чистки 1970 г. было исключено приблизительно 500 тыс. человек (т.е. треть состава партии). В определенных отраслях — в важных секторах политического аппарата, массовой пропаганды, в секторах с идеологическим и политическим направлениями, в культуре и науке это означало замену

50-70% квалифицированных работников (так как членство в КПЧ было неперенным условием их пребывания на постах). Исключение из КПЧ почти неизбежно означало перевод на политически незначительное и социально более низкое положение; другими словами, исключение означало экономическую дискриминацию. Вместе с членами семей, приняв за среднюю семью из трех человек, это означало, что каждый десятый гражданин Чехословакии испытал это на себе.

Еще более существенными были последствия чистки во временной перспективе. Десятки тысяч людей были назначены на политические, административные и руководящие посты (в экономике, культуре, образовании, здравоохранении, правительстве и т.д.) по признаку политической благонадежности и без учета их профессиональной квалификации, включая элементарные способности к руководству. На таких постах оказалось немало людей, которые до 1968 г. не могли добиться высших позиций не по политическим причинам, а из-за профессиональной некомпетентности. Чистка КПЧ привела к повсеместному резкому снижению профессиональных стандартов. В экономике это стало, наряду с низведением экономической политики к социальной коррупции, основным препятствием для нормализации венгерского типа. Соревнование способных работников с некомпетентными проходило под лозунгом "политической борьбы". И некомпетентные побеждали соперников путем политической дискриминации. Десятки тысяч таких "победителей" определили реальный облик нормализации. "Решения партии и правительства", в которых постоянно подчеркивается необходимость "научных критериев в управлении", остались лишь словесными штампами.

В результате в Чехословакии руководящие посты на всех уровнях занимают люди, которых подчиненные считают некомпетентными. Лишь в исключительных случаях официальный руководитель пользуется не только формальным, но и неформальным авторитетом; и наоборот, имеющие неформальный авторитет почти никогда не занимают руководящих постов. Ныне это характерно для Чехословакии более чем для любой другой страны советского блока.

После чистки 1970 г. внутри КПЧ, в ее руководящих орга-

нах, не родилось ни единой концепции нормализации. Возник внутренне несовместимый союз традиционно антиреформистских (сталинских) групп с группами чисто карьеристских устремлений и с прагматиками, которые ради достижения своих политических целей (например, рациональное, технократическое управление экономикой) не решались на конфликт с теми, кто находился у власти и мог исключить их из союза.

Последняя чистка 1970 г. и личность Гусака — вот причины, по которым нормализация в Чехословакии не стала вариантом "кадаризации". Гусак не прагматический политик. По своей психологии он скорее просвещенный абсолютист. Его прагматизм не способен выйти из сферы техники власти и управления. После вторжения Гусак счел своим предназначением "вывести нацию из катастрофы" (это он заявил 21 августа 1968 г.). Гусак-овская концепция собственной политической миссии, очевидно, не включала примирения с угнетенной нацией, что характерно для Кадара. Гусак никогда не умел приобретать союзников в соответствии с принципом Кадара — "кто не против меня, тот со мной". Принцип Гусака всегда был: "если не за меня, значит, против меня".

Достигнув вершины власти, Гусак не создал влиятельной группы в партии, которую он мог бы назвать своей и на которую он мог бы опереться в нужный момент. Он порвал с теми, кто поддерживал его в 1966-1968 гг. как с "ревизионистами и правыми оппортунистами". Все другие видные члены партийного руководства имели более сильные корни в органах власти. Гусак же держится на высшем посту с помощью Москвы. В этом его сила и его слабость. Поддержка Москвы была одним из его сильнейших преимуществ, но несла с собой изоляцию. Ни один из потенциальных соперников не мог победить его без благословения Москвы, но и он не мог избавиться ни от одного из них без согласия Кремля.

Бытовавшая одно время на Западе характеристика Гусака как человека, проводящего нормализацию в Чехословакии ради того, чтобы избежать худшей альтернативы, исходящей от сталинских "ястребов", неверна. Роль Гусака определяется тем, что он сохранил столь сильное влияние Москвы в стране, какого не создал бы ни один из потенциальных кандидатов на этот

пост, так как все другие кандидаты имели собственные клики в политических институтах Чехословакии и опирались на них в политической борьбе. А когда казалось, что в этой борьбе Гусак выступает арбитром, на самом деле суд вершил Брежнев.

Все кандидаты на руководящие посты в партии, назначенные в 1970 г. и позже, выдвигались по рекомендации Москвы. Видимо, союз различных групп, который, как исключение в практике коммунистических партий советского блока, практически остается неизменным более десяти лет, лучше всего отвечал намерениям Москвы. Гусаку ни разу не позволили произвести перемены среди шести-восьми человек на верхушке, так как такие перемены сформировали бы клику руководителей, зависящих от него и преданных ему. Гусак никогда не мог предпринять ничего для укрепления собственной позиции, хотя такие перемены, всегда выделявшие выбившегося на самый верх, предпринимались всеми партийными лидерами в советском блоке в послесталинский период — и Хрущевым, и Брежневым, и Гомулкой, и Герекком, и Хонекером, и Живковым и даже Кадаром (хотя и редко); Чаушеску поступал так много раз. Гусак занимает сейчас все высшие партийные и государственные посты — генерального секретаря КПЧ, президента Чехословакии и формально командующего вооруженными силами страны, председателя Национального фронта. Однако ему не на кого опереться, у него нет группы высших руководителей, которых он выдвинул и на которых он может положиться.

С советской точки зрения, такое положение, возможно, считается наиболее оптимальной альтернативой для компартии, руководство которой однажды, хоть и не надолго, вышло из-под советского контроля. Но такое положение дел имеет специфические последствия во внутренней атмосфере в нормализованной Чехословакии. Среди правящей элиты воцарился застой, и там не может возникнуть такая новая концепция нормализации, которая по своим методам и целям отличалась бы от гусак-овской. Окончательный результат оказался не тем, которого хотела бы Москва, то есть осознания и правителями и подданными необратимости существующего положения. Вместо этого в стране широко распространилось ощущение "безнадежности", но это скорее признак стагнации, чем необратимости.

До тех пор, пока экономические факторы стабилизации действовали относительно исправно, ситуация не была взрывчатой. Но с конца 70-х годов чехословацкому обществу и в еще большей степени правящей элите становилось все яснее, что, в конце концов, "что-то надо делать", — по крайней мере, в экономике. Похоже, группа, выступающая за более рациональное, технократическое руководство экономикой (обычно связываемая с именем председателя правительства Штроугала), начиная с 1978 г., готовила предложения по этому вопросу. Но в Москве было решено, что в Чехословакии ничего не нужно менять. Позиция Москвы глобальна, и советское политбюро постоянно руководствуется положением Ленина о "главном звене в цепи". Таким "главным звеном" советское руководство считало Польшу — и это казалось верным. Наряду с этим советскому руководству представлялось рискованным нарушать застой в Чехословакии. Более того, по советским стандартам, снабжение и жизненный уровень в Чехословакии вовсе не плохи: советские туристы считают пражские магазины, которые вызывают постоянное ворчание чехов, экономическим чудом.

В начале 80-х годов на фоне событий в Польше все более ощущалось, что продолжающийся застой, тупиковая ситуация в нормализованной Чехословакии и контроль Москвы над внутренним положением в Чехословакии сами по себе создают рискованную ситуацию. Вполне вероятно, что перемены покажутся необходимыми даже советскому руководству. Но условия для перемен в политической сфере весьма неблагоприятны.

* * *

Политическая ситуация в нормализованной Чехословакии определяется главным образом отсутствием поворота, который произошел в Венгрии приблизительно в 1961 г. В момент, когда все практически значимые силы признали поражение 1956 г. окончательным и необратимым, руководство Кадара указало на луч надежды.

Период, когда нечто подобное было возможным в Чехословакии, приходится на 1973-1975 гг. Народ стал воспринимать поражение 1968 г. как свершившийся факт; режим доказал способность защищать советские интересы невзирая на волю обще-

ства; наказания за сопротивление были возданы в ходе широкой чистки КПЧ и всей официальной политической структуры; возможности подрыва системы советского типа были выкорчеваны с корнем запрещением всех форм собраний и выражения мнений не контролируемых партией, введением цензуры, отказом от самоуправления предприятий, восстановлением централизованного бюрократического планирования, полицейскими акциями против оппозиции, включая политические процессы; была восстановлена атмосфера страха и контроль политической полиции — более глубокий, чем в последние годы Новотного.

Советская гегемония обеспечивалась тем, что примерно 100 тыс. советских солдат оставались на территории Чехословакии, а процесс принятия политических решений находился под полным контролем Москвы. Для реализации целей своей глобальной внешней политики Советский Союз подготавливал Хельсинкскую конференцию. В этих условиях поворот в Чехословакии, подобный произошедшему в Венгрии в 1961 г., был бы в советских интересах: страна-сателлит выглядела бы "пристойно" на международной арене. Усиливающийся еврокоммунизм, по всей вероятности, приветствовал бы эти шаги, так как это могло бы смягчить противоречия с Москвой.

Экономическое развитие Чехословакии шло удовлетворительно, уровень жизни повышался; после шока поражения 1968 г. экономически мотивированный конформизм широких слоев населения при повороте в процессе нормализации мог бы трансформироваться в "давление снизу". Большинство коммунистов-реформистов, побежденных и снятых с политических постов, были в той или иной мере готовы поддержать такой поворот (Смрковский писал об этом в личном письме к Брежневу). Без сомнения, Кадар также поддержал бы такой шаг. В Польше к тому времени был снят Гомулка, так же, как и Ульбрихт в ГДР. Их противостояние чехословацким реформам 1968 г. было общеизвестно, их преемники, особенно Герек, вполне возможно, приветствовали бы подобный поворот Чехословакии в своих собственных интересах. Брежнев укрепил свои позиции в политбюро ЦК КПСС и избавился от многих сторонников интервенции в Чехословакии.

Возможность такого поворота рассматривалась даже внутри

гусаковского руководства. Не было известно, кто какую позицию занимал, но было известно, что по поводу возможных перемен возник конфликт: на пленуме ЦК КПЧ 1973 г. наметилась (особенно отчетливо это прозвучало в речи А. Индры) возможность определенного примирения после чистки партии. Речь шла о возможности для высококвалифицированных коммунистов, исключенных во время чистки, вернуться на посты, требующие больших способностей. Позже В. Биляк неоднократно критиковал "теорию голубого неба": не называя никого по имени, он осуждал "некоторых товарищей", считающих, что после победы обстановка должна быть как после грозы, когда облака рассеиваются и небо снова становится голубым; что пришло время прощения, поскольку "кто старое помянет...", и что можно ослабить бдительность в борьбе против контрреволюции, классовых врагов и "правых оппортунистов".

Никаких видимых санкций против защитников теории "голубого неба" принято не было, но выиграли их соперники. Не только не было сделано попытки поворота, подобного повороту Кадара в 1961 г., но напротив — нормализация в ее прежнем виде была признана единственно верной, и XV съезд КПЧ в 1975 г. официально провозгласил годы нормализации "наиболее успешным периодом" во всей послевоенной истории Чехословакии, как в экономике, так и в политике.

Победа политической самонадеянности над робкими попытками прагматиков достигнуть частичного и постепенного компромисса имеет свои причины, главным образом, в ментальности советского политбюро и гусаковского руководства. Советские руководители, возможно, считали, что им выгоднее подойти к заключению хельсинкских соглашений без всяких уступок Западу по части "третьей корзины". СССР, таким образом, продемонстрировал свою концепцию политики детанта, в особенности во "внутренних делах" стран советского блока.

Среди еврокоммунистов тоже, в конце концов, возобладали тактические соображения: больше всего они ждали от СССР признания относительной независимости западноевропейских компартий. Что касалось Чехословакии, то еврокоммунисты на словах продолжали осуждать интервенцию 1968 г., но были готовы примириться с советской концепцией "невмешатель-

ства во внутренние дела других партий", так как они сами настойчиво отстаивали те же принципы в своих отношениях с КПСС. Оказалось, однако, что, совершив подобный кульбит, стратеги и тактики еврокоммунизма утратили всякое политическое влияние на внутреннее развитие советского блока: в конце концов они смирились уже в третий раз — в 1948 г. во время конфликта Сталина с Тито; в 1956 г. после вторжения в Венгрию и теперь, по поводу природы нормализации в Чехословакии.

Заинтересованность Кадара тем, чтобы в Чехословакии произошел такой поворот, была такой же, как и в 1968 г., так как поворот в политике нормализации в Чехословакии, схожий с его собственной политикой, помогал ему эту политику укрепить. Позиция Герека и, в еще большей степени, Хонекера была двойственной: нормализация в Чехословакии без поворота к компромиссу с обществом свидетельствовала бы о преимуществах их собственной политики и одновременно стала бы ярким примером положения, гораздо худшего, чем в Польше и ГДР.

На фактическое решение, без сомнения, повлияли опасения, общие для советского и чехословацкого руководства.

Возможно, и в Москве и в Праге взял верх страх перед риском, который действительно таился в повороте нормализации: этот поворот мог возродить дремавшие надежды, что политика нормализации — необратимый процесс. Эра Дубчека кончилась совсем недавно; коммунисты-реформисты были побеждены, но не разбиты; они еще обладали зарядом жизнеспособности и потенциально представляли политическую альтернативу.

Если действительно эти мотивы помешали повороту в Чехословакии к "кадаризации", то это означает, что ни брежневское, ни гусаковское руководство не смогли уловить верный момент, когда они еще могли овладеть политической инициативой, добиться частичной, а в случае прагматической реакции на успех — даже усиливающейся поддержки. Политическая инициатива всегда связана с определенным риском, но со временем стало очевидным, что в 1973-1975 гг. риск был несравнимо меньшим, чем когда-либо в будущем. Тогданняя ситуация в Чехословакии отличается от сложившейся к настоящему времени прежде всего тем, что теперь экономические факторы политической

стабилизации стали менее эффективными и эффективность их продолжает уменьшаться. Руководство испытывает все большие затруднения в экономической сфере, и уже само это не усилило, а скорее ослабило ощущение необратимости существующего положения: мысль, что "что-то надо делать", укоренилась во всех слоях общества.

Режим стал больше, чем десятилетие назад, полагаться на механизмы контроля и репрессий политической полиции. Политическая полиция снова приобретает статус "государства в государстве", как в сталинский период, хотя сейчас для репрессий используются иные методы, чем массовый политический террор сталинских дней. Целая общественная страта (так называемые диссиденты и их окружение) фактически находится под юрисдикцией политической полиции; судьбы диссидентов целиком переданы остальными органами власти на ее усмотрение. Размеры политической полиции и численность ее агентов возросли. Точные данные об аппарате политической полиции неизвестны, но совершенно ясно, что сейчас там работает больше людей, чем в 1967 г. (тогда там было занято 20 тыс. человек, а число агентов равнялось 147 тыс. при населении в 14 млн. человек). Сеть политической полиции опутывает экономику, культурную и политическую жизнь, включая аппарат КПЧ, профсоюзы и другие организации в гораздо большей степени, чем до 1968 г. Центры политической власти получили при этом желанный источник информации: в условиях суровой цензуры всей информации и вследствие стремления бюрократического аппарата исказить истинное положение дел в любой подведомственной ему сфере, секретная информация, собираемая политической полицией, более объективна. Как бы то ни было, все это дает политической полиции не всегда видимую, но значительную роль в процессе принятия политических решений. Полицейский контроль держит общество в страхе и способствует соблюдению ритуала по проявлению лояльности, но, с другой стороны, общество рассматривает усиление политической полиции как свидетельство страха и неуверенности режима.

Со времени 1972 г. произошли изменения и в оппозиционных силах. Группа коммунистов-реформистов 1968 г. перестала быть политической альтернативой и по политико-идеологи-

ческим и по возрастным причинам — большинство этих людей достигло пенсионного возраста. Группы политически активных "диссидентов" невелики. Они представляют в основном интеллигенцию и "разгневанную" молодежь. С точки зрения политико-идеологической, диссиденты довольно разнородны. Общий для всех политический аспект — борьба за права человека и гражданские права (как их понимают западные плюралистические общества), которая на практике сводится к преданию гласности несоответствий между реалиями режима Гусака и официально принятыми им на себя международными обязательствами. Режим реагировал на это движение (Хартия-77) усилением атмосферы страха и полицейского террора.

Основная оппозиционная сила в сегодняшней Чехословакии — это сознание общества, всех его социальных и возрастных групп, его недоверие, пренебрежение и даже открытая ненависть к режиму, ожидание капитуляции властей. Что бы ни решил в этой ситуации предпринять режим Гусака в направлении хоть какой-то "кадаризации", — все будет воспринято как средство, к которому режим был вынужден прибегнуть. Это не значит, что подобные шаги будут отвергнуты, но они не помогут руководству овладеть политической инициативой в надежде на постепенный рост поддержки общества. Если положение в 1973-1975 гг. было в какой-то мере аналогично ситуации в Венгрии в 1961 г., то морально-политическая атмосфера в нынешней Чехословакии скорее напоминает последний период правления Герека в Польше.

* * *

Несмотря на тупик, в который зашла внутренняя политика Чехословакии и выхода из которого пока не видно, нормализация реализовала главную политическую цель советской оккупации. С точки зрения великодержавных интересов СССР, Чехословакия стала несравненно более зависимой от Советского Союза, чем до августа 1968 г., причем как в военно-политическом, так и в экономическом отношениях: чехословацкая экономика теперь не способна решить ни одну из своих проблем, не увеличивая своей зависимости от СССР. Это относится к ис-

точникам сырья, к сбыту экспортной продукции, к участию в международном разделении труда и к сотрудничеству в рамках Совета Экономической Взаимопомощи.

Зависимость политической структуры Чехословакии от СССР тоже увеличилась, перейдя на качественно иной уровень: контроль Москвы над всеми основными политическими факторами на практике гораздо жестче в Чехословакии, чем в Венгрии, ГДР и Польше, и, естественно, несравненно жестче, чем в Румынии. Такое положение дел, на первый взгляд, должно быть нежелательным даже для Москвы, однако, на самом деле такая зависимость в какой-то мере отвечает советским великодержавным интересам: она рождает политическое и моральное безразличие, ощущение безнадежности и бессилия, неверие населения в способность правящей политической группы изменить что-либо без давления извне. Парадоксально, но сейчас чехословацкое общество посчитало бы условия венгерского типа почти идеальными "в границах возможного", в то время как в 1968 г. ситуация последних лет режима Новотного, во многих отношениях сходная с "кадаризацией", породила попытки перемен не только "снизу", но даже "сверху". Парадоксально, что политика нормализации Гусака вызвала в некоторых слоях общества — как в среде руководящей элиты, так и у части угнетенного населения — надежду, что положение в Чехословакии изменится к лучшему по указанию СССР, руководство которого сочтет это целесообразным, либо ради сдерживания кризиса в СССР, или чтобы предотвратить в странах-сателлитах такое развитие событий, как в Польше. Эта надежда, в свою очередь, свидетельствует о все увеличивающейся зависимости Чехословакии от СССР, которая усугубляется присутствием на чехословацкой территории советской армии.

Однако в Чехословакии происходят и такие изменения, которые весьма нежелательны для СССР. Это — оборотная сторона созданного советским руководством положения, цена, которую СССР платит за свою политику.

Это, главным образом, изменения сознания общества. Хотя нет данных, основанных на опросах общественного мнения, можно все же полагать, что преобладающее большинство, возможно, около 80% населения Чехословакии, сегодня предпочло

бы статус неприсоединившегося (нейтрального) государства, т.е. выход Чехословакии из Варшавского договора, и, конечно же, вывод армии СССР, свободу слова, печати, собраний и объединений, ликвидацию политической полиции, лишение КПЧ власти путем выборов с возможностью участия в них других политических групп и партий; поворот страны — экономический, политический и культурный — к Западу и т.д. Но и эти политико-идеологические и культурные предпочтения чехословацкого общества не определяют каждодневного поведения социальных групп или отдельных личностей, за исключением активных "диссидентов": это всего лишь усиленное шизофренией социального сознания желание, которому сопутствует убеждение в полной политической невозможности его осуществить. Этот скрытый полюс фундаменталистского направления не оказывает прямого влияния на поведение большинства; его поведение определяется прямым влиянием противоположного полюса — отказом рассматривать политику как средство достижения желаемых целей в существующих условиях и удаление от политической деятельности в соответствии с принципом, что "политика — грязное дело".

Для того, чтобы теоретическая возможность "кадаризации" трансформировалась в Чехословакии в реальную альтернативу, эта идея должна получить активную поддержку Москвы, что не невероятно, хотя и не в настоящее время. При определенном стечении международных и внутривнутриполитических обстоятельств советское руководство может отдать предпочтение "кадаризации" в Чехословакии, желая предотвратить повторение там польских событий и найти противоядие экономическому кризису в самом СССР.

К началу 80-х годов нормализация в Чехословакии во многом изменила политические условия, существовавшие в начале 70-х годов. Поколения, знавшие иную систему, кроме послевоенной советского типа, либо вымерли, либо достигли пенсионного возраста. Почти половина нынешнего экономически активного населения в короткую эпоху либерализации 1968 г. была моложе 20 лет, а те, кто сейчас кончают институты, тогда были малыши детьми.

В теперешнем среднем и молодом поколении руководящей

элиты практически нет убежденных сталинистов: здесь преобладают карьеристы – бюрократы и технократы. Их прагматизм тоже не поднимается выше сферы манипуляции и управления, но они могут выйти за эти рамки относительно легко в поисках новых эффективных методов достижения социального компромисса и смягчения социальных конфликтов. Это поколение руководящей элиты больше думает о том, что будет в следующие 10-15 лет, а не о том, что случилось в прошедшие десятилетия. Прошлые конфликты – борьба против "ревизионистов и правых оппортунистов" – за пределами личного опыта этого поколения, так как оно с самого начала оказалось среди победителей, в отличие от старшего поколения верхушки, для которого нормализация была мезью и сведением личных счетов за поражение в 1968 г.

Эти факторы ни в какой мере не гарантируют демократизации системы, но они могут способствовать распространению прагматических методов, что в свою очередь может приблизить нынешнюю практику к своего рода "кадаризации". Из-за различия отправных точек в сегодняшней Чехословакии и в сегодняшней Венгрии положение в этих странах вряд ли станет идентичным в ближайшее время.

* * *

Четырнадцать лет нормализации сделали невозможным такое развитие в будущем, каким оно предполагалось в 1968 г. Нормализация исключила или, по крайней мере, отгеснила на задний план специфические для Чехословакии факторы, действовавшие тогда. Грубо говоря, нормализация трансформировала политическую культуру Чехословакии: произошла деформация руководящей элиты и общества в целом.

Руководящая элита 1968 г. формировалась в ситуации, когда советский коммунизм как синтез идеологии и практики казался пройденным этапом в истории Чехословакии. Поколение, участвовавшее в поисках "специфического пути к социализму" до 1948 г. и пережившее эпоху десталинизации в 1956-1964 гг., играло решающую роль в КПЧ. Даже официальная идеология "марксизма-ленинизма" рассматривалась как инструмент для выбора вариантов программирования социалистиче-

ского общества; попытки ревизии этой идеологии диктовались не только прагматическим расчетом. Постоянно делались попытки сочетать политику с определенными этическими установками. Существовала своего рода гармония между прагматизмом и политическим фундаментализмом. Ни один из этих факторов не влияет на образ мысли и поведение нынешней руководящей элиты, во всяком случае, этого влияния недостаточно, чтобы определить политическую практику.

После двадцати лет диктатуры КПЧ и периода сталинизма в 1968 г. большинство чехов и словаков было готово поверить, что постепенными реформами можно трансформировать коммунизм советского типа и создать систему, которая соответствовала бы национальным, культурным и политическим традициям народов Чехословакии. Была надежда, хотя и не абсолютная, что этого можно достичь без конфликта, по крайней мере, без политической и военной конфронтации с СССР. Эти факторы отсутствуют в сознании чехословацкого общества в настоящее время.

Главные элементы политической культуры, исторический фундамент которой заложен европейской традицией, еще определяли политическую жизнь Чехословакии в 1968 г. и влияли на поиски альтернатив существующей системе. Политика воспринималась как процесс, в котором при столкновении различных интересов, и экономических, и социальных, наличествовала этика; такая концепция политики могла в какой-то степени сочетать реформы системы "сверху" со стремлением ее качественного изменения "снизу". Отношения между властью и обществом еще не утратили корни, уходившие в политическую культуру западноевропейского типа, и руководствовались принципами, признаваемыми на обоих полюсах, что создавало условия не только для политического компромисса, но и для некоторой толерантности. Перечисленные факторы, почти полностью чуждые политической культуре России и гораздо более слабые в других странах советского блока, создали почти не различимую на поверхности, но на самом деле довольно прочную основу для реформ. Четырнадцать лет нормализации нивелировали Чехословакию по образу и подобию других стран советского блока, а политическая культура страны претерпела изменения и уподобилась русской политической культуре.

Сформировавшаяся после 1968 г. руководящая элита почти полностью низвела политику до искусства сохранения власти. Эта элита вряд ли способна оценить значение связей с обществом, которым она управляет; она будет прежде всего заботиться о сохранении основных гарантий своей власти — поддержке со стороны СССР. Конфликт между властью и обществом делает практически невозможной ситуацию, создавшуюся в 1968 г., когда руководящая элита не желала прибегать к силе для подавления попыток перемен, не считаясь с тем, что это может лишить ее советской поддержки.

Поработенное общество, в свою очередь, деградировало политику, ограничив ее взаимоотношениями между правящими и управляемыми. Общество рассматривает политику главным образом (если не исключительно) как конфликт, а не как сотрудничество. Такое отношение оказывает огромное влияние на положение политически активного, находящегося в оппозиции к существующей системе меньшинства.

Наиболее известное политическое выступление в Чехословакии после 1968 г. — правозащитное движение Хартия-77 — опирается на западноевропейскую политическую культуру, основные элементы которой сформулированы в политическом заявлении Хартии: политика как диалог между властью и обществом; общество как объединение граждан, имеющих неотъемлемые и признаваемые государством права; терпимость к другим взглядам как основа отношений между властью и обществом и т.д.

Многолетний конфликт между режимом и сообществом людей, подписавших Хартию-77, отчетливо показывает, насколько изменилась политическая культура Чехословакии. Активные представители оппозиционных меньшинств все более становятся радикальными защитниками определенных этических и идеологических ценностей, и все в меньшей и в меньшей степени способны быть политиками, привлечь сторонников и возродить надежды на реальные перемены к лучшему. Большинство находящихся в оппозиции людей в то же время не готово на риск открытого конфликта с режимом, так как считает его обреченным на неудачу. В настоящее время подход активной чехословацкой оппозиции к политике все больше приближается к под-

ходу русских диссидентов и все больше удаляется от критически-оппозиционного, каким он был в Чехословакии и не только в КПЧ, в 60-е годы. Это обусловлено несколькими объективными факторами: более репрессивной реакцией режима на оппозицию и тем, что политико-правовые международные соглашения, в частности, о соблюдении гражданских прав, не стали после подписания Заключительного акта Хельсинкских соглашений играть более важной роли в международной политике, чем прежде.

Если перемены "сверху" все же произойдут, они осуществляются исключительно на прагматической основе, ради того, чтобы система стала функционировать. Если перемены начнутся под давлением "снизу", то, как и в Польше в начале 80-х годов, они будут результатом отрицания "реального социализма" советского типа: отправной точкой станет стремление избавиться от основных элементов системы. Представления о желательном направлении развития сформируются из весьма разнородной смеси идей, сохранившихся в исторической памяти нации (ее различных социальных групп), и из комбинаций различных идеологических и этических направлений, которые смогут оказать массовое воздействие на новые поколения и будут восприниматься как целесообразные, действенные и жизнеспособные. Как и в Польше, поиски положительного выхода захватят широкие слои общества, но только тогда, когда будет создана практическая возможность социального общения, то есть когда контроль политической полиции будет ослаблен или прекратится вообще. С политической точки зрения такой путь менее удачен, чем когда заранее обсуждаются и подготавливаются меры, которые в состоянии вывести страну из тупика.

Для политического успеха каких бы то ни было попыток по изменению системы необходима, однако, хотя бы минимальная мера единства — в противном случае единственным выходом окажется революция.

Итак, политика нормализации в Чехословакии имеет не только экономические, но и политические аспекты, поскольку она

затрагивает цивилизацию, культуру страны. Нормализация разрушила политическую культуру Чехословакии, базировавшуюся на западноевропейских традициях, и это неизбежно и отрицательно скажется на любом варианте развития, будь то попытки "кадаризации", попытки сохранения статус-кво или же взрыв.